DOI: 10.19195/0137-1150.163.6

TATIANA CARKOWA

Российская Академия наук, Rosja

roirli@yandex.ru

Старость — концепт русской стихотворной эпитафии?

Свод русской стихотворной эпитафии XVIII–XX веков и наступившего XXI века еще не создан. Но в конце XX века интерес к этому жанру возродился в России так же, как и к составлению некрополей отечественных кладбищ и русских захоронений за пределами страны.

Будучи скромным участником этого процесса, за 16 лет собирательской работы, как „полевой” (исследование кладбищ Санкт-Петербурга и многих других городов России, ближнего и дальнего зарубежья), так и собственно филологической (просмотр большого массива периодики за три века, авторских сборников, некрополей, изданных в конце XIX–начале XX вв., и рукописных), мне довелось собрать коллекцию эпитафийных текстов, включающую не менее трех тысяч копийных записей. Пишу это только для того, чтобы обосновать: выводы статьи базируются на достаточно репрезентативной базе, в которую, в частности, вошли работы по эпиграфике и некрополистике и польских ученых: Анджея Пильха¹, Анджея и Барбары Бирнатов², Яцка Кольбушевского³.

Основным источником цитирования в данной работе стала первая антология жанра⁴, вобравшая более 1300 текстов. Тем удивительнее, что на

¹ A. Pilch, *Nekropolia radzieckie w Polsce południowej: na terenie województwa krakowskiego w granicach sprzed 1 czerw. 1975 r.*, Krakow 1976.

² *Cmentarz Powązkowski w Warszawie: materiały inwentaryzacyjne*, ред. А. и В. Biernatowie, Warszawa 1980, т. 1.

³ J. Kolbuszewski, *Najpiękniejsze epitafia polskie*, Warszawa 1989.

⁴ С.И. Николаев, Т.С. Царькова, *Русская стихотворная эпитафия*, Санкт-Петербург 1998 (Новая библиотека поэта. Большая серия, далее — РСЭ с указанием номера стихотворения).

этом стихотворном пространстве слово *старость* встретилось лишь дважды: у костромского поэта первой четверти XIX в. Алексея Коптева:

Моему родителю
Почтенный был сын, детей любил сам страстно;
С Орловым под Чесмой он турок победил;
В судах хранил закон и не судил пристрастно,
В е л и к о й жалован и П а в е л наградил, —
Он в старости своей Творцу воздвигнул Храм,
Близ одного теперь почит с миром сам⁵

и в эпитафии-эпиграмме вятского остролова XVIII в. — перфекта Вятской семинарии:

Надгробная Фавну
Здесь Фавн лежит, по нем сей список дел остался:
Родился, ел, рос, жил до старости, скончался.
1778⁶

Третий текст с трудом читался на Смоленском православном кладбище, на полуистертом памятнике первой половины XIX в.:

Дожив до старости глубокой,
Он в чувствах не остыл,
Чадолюбив и милосерден был
И благодарен Богу.

Слова *старики*, *старик* — тоже лишь дважды возникли в антологии и больше нигде: у липецкого сочинителя стихов на разные случаи, скрывшегося за криптонимом С.Г.Д.

Козьма и Анна почивают
Под знаком сим — в земле сырой;
Их Юровыми прозывают:
Они уж старики собой.
1873⁷

Примечание автора: „Муж жил 87 лет, жена 97”.

В интонации четвертого стиха улавливается: ну, куда уж больше.

Сергею Андреевичу Юрьеву, прожившему 67 лет, писателю, теоретику театра, основателю журнала „Беседа”, редактору журнала „Русская мысль”, переводчику Уильяма Шекспира, Педро Кальдерона, Лопе де Веги, на памятник легли такие стихи:

Старик, мир праху твоему,
Весна в груди твоей дышала,

⁵ РСЭ, № 522.

⁶ *Ibidem*, № 118.

⁷ *Ibidem*, № 931.

Она и грела, и блистала
Сквозь лет печальную зиму.
1888⁸

Тут слово *старик*, на наш взгляд, не имеет современного оттенка фамильярности, скорее всего, означает дружеское общение адресата и адресанта, хотя возраст 67 лет и позволял в XIX в. такое определение. Но смысл эпитафии — в стилистическом контрасте метафор: „весна в груди” и „печальная зима лет”.

Трижды встречается наименование и обращение *старец*.

Эпитафия адмиралу Петру Ханыкову на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге:

Здесь старец опочил, благословенный свыше,
Вождь сил, несущихся с громами по морям,
Он был в день брани — лев, в день мира — агнца тише,
России верный сын, слуга и друг царям.

Он с верою протек путь жизни скорбный, тесный,
И в смерти верою сподобен торжества;
За подвиг на земли приял венец небесный
И славой воссиял во свете Божества.
1812⁹

Петр Иванович Ханыков умер в возрасте 69 лет, главный командир Кронштадтского порта, скончался от удара, получив известие о разжаловании в матросы за потопление шведами корабля *Всеволод*. На памятнике означены его ордена и награды, и срок службы Отечеству — 53 года.

Другое значение слова *старец* — монах, инок, отшельник или просто священник.

Иеромонаху из Вышневолоцкого уезда:

Как странник, ты всегда стремился
Во град обители святой
И козней мира сторонился,
Чуждался суеты мирской. [...]

Случалось, часто предсказанья
Народу верные давал...
Премудрым словом увещанья
От зла людей оберегал...

Спи, старец! Спи теперь спокойно,
Служитель Божий Даниил!
За нас молися недостойных,
Чтоб Бог грехи нам отпустил! [...]
1908¹⁰

⁸ *Ibidem*, № 1220.

⁹ *Ibidem*, № 1117.

¹⁰ *Ibidem*, № 1254.

А старцу было всего 50 лет! Как тут не вспомнить тургеневских стариков, которым тоже было 50 или менее того (пьеса *Холостяк*, роман *Накануне*).

Интереснее эпитафия другому монаху — Макарию из Берлюковской пустыни Московской губернии:

Здесь старец смиренный
Вертеп ископал
И, в нем затворенный,
Спасенья искал.
Создатель молениям
Сердечным внимал
И старца к селеньям
Небесным воззвал.
О, путник усталый,
На землю склонись
И здесь под дубравой
Примеру учись.
Путь скорбный и тесный
Кто в жизни пройдет,
В чертог тот небесный
Со славой войдет.
1847¹¹

Русский провинциальный некрополь сообщает, что могила Макария посещается богомольцами, а „плита вся изъедена зубами, так как существует поверье, что камень этот избавляет от зубной боли, и если бы не надзор, памятник давно съели бы без остатка”¹².

И, наконец, последний способ обозначения старости в эпитафии — это иносказание: слова *старость* и однокоренных с ним нет, есть признаки ее:

...сей великий муж жил долго и скончался.
1756¹³

...К покою летами склоненный,
Он ближних всех благотворил.
1846¹⁴

...Я видел юности цветущий путь,
Достиг седины обветшало.
XIX в.¹⁵

Очень трогательную эпитафию написал своему 96-летнему отцу Андрею Тимофеевичу Болотову, писателю, переводчику, издателю, агроному,

¹¹ *Ibidem*, № 1173.

¹² *Русский провинциальный некрополь*, Москва 1914, с. 512.

¹³ РСЭ, № 34.

¹⁴ *Ibidem*, № 1171.

¹⁵ *Ibidem*, № 968.

его сын Павел Андреевич, „не принадлежащий — по его словам — к цеху стихотворцев”. Но так бывало часто — умирает близкий человек, и не поэт становится поэтом, чтобы самые сокровенные и высокие слова легли на каменную или, как в случае с Болотовым, деревянную страницу.

Не знатностью и не чинами
Отечеству известен был
И не украшен орденами
Честнейшим человеком слыл.

Не витиеватыми речами
Прелестнейший писатель был,
Общепользными трудами
Он благодарность заслужил.

Религию он уважал,
Божественны уставы чтил;
И ревностно их защищал,
Христа-Спасителя любил,

Всегда миролюбив, незлобен,
Не воздавал он злом за зло,
И был ко мщенью не способен.
Врагам своим творил добро.

Стяжав смиренное терпенье,
За всё Творца благодарил;
И от него в вознагражденье
Он многолетство получил.
1839¹⁶

И того же 1839 г., эпитафия П.А. Вяземского 73-х-летнему Сергею Сергеевичу Кушникову, действительному тайному советнику, члену Государственного Совета, председателю Департамента гражданских и духовных дел, петербургскому губернатору, племяннику Николая Михайловича Карамзина:

Надгробная надпись С.С. Кушникову
Земная жизнь — борьба. Сопутствуют молитвы
Тому, кто подвиг свой здесь совершит вполне,
И добрый с честью пал среди упорной битвы,
Как воин доблестный на боевой стене.

Таков был Кушников! Он и в молодые лета,
И в поздние года, под холодом седин,
Был чист перед судом и совести и света, —
Брат верный ближнего, отчизны верный сын¹⁷.

¹⁶ *Ibidem*, № 1166.

¹⁷ *Ibidem*, № 587.

Несколько литературных эпитафий-эпиграмм иронично или саркастически обыгрывают тему долголетия. А.Д. Илличевский:

Эпитафия столетнему старику
 Доживши до ста лет, скончался Доримон, —
 Других короче повесть;
 Нет! плачут, для чего не дольше прожил он?
 Где ж совесть?
 1827¹⁸

Аноним:

Журналисту А.А. Краевскому
 Его земная жизнь была длинна, как Волга,
 С нуждой он был по слухам лишь знаком...
 Зато Белинский жил недолго
 И умер бедняком!
 1880¹⁹

Краевский после появления этого опуса проживет еще 9 лет и умрет в возрасте 79 лет.

Анонимная, рукописная, недатированная эпитафия писателю, поэту, драматургу, создателю и издателю „Новой детской библиотеки”, Борису Михайловичу Федорову, прожившему 77 лет:

Без малого сто лет он жил
 И кости тут свои сложил.
 Спросите же: зачем он жил
 И что он умного сложил?

Он изо всех тянулся жил,
 До чина статского служил.
 Двух жен, разбойник, пережил
 И третьей обществу служил.

И все-таки зачем он жил?
 Что дельного в свой век сложил?
 Ни крошечки, лишь то, что жил
 И кости тут свои сложил²⁰.

Не совсем справедливая и не слишком искусно построенная на монорифме эпитафия-эпиграмма, но все-таки исторический факт литературно-общественной борьбы 1870-х годов отражен.

Такой же направленности эпитафия 1910 года Саши Черного Виктору Буренину — писателю и публицисту, начинавшему в демократических из-

¹⁸ *Ibidem*, № 619.

¹⁹ *Ibidem*, № 941.

²⁰ *Ibidem*, № 973.

даниях, а с 1870-х годов печатавшему в „Новом времени” черносотенные фельетоны. Буренин проживет еще 16 лет, но эпиграмма в виде эпитафии чаще пишется живущему.

Буренину
Зарезавший Буренина-поэта
И взятый на хлеба в известный дом,
Он много лет кривлялся там за это,
Питаюсь „фаршированным жидом”.
Теперь он умер. Плачь, о, плачь, прохожий!
Поэт Буренин так давно убит,
А старый „критик”-шут в змеиной коже
И после смерти всё еще хрипит...
1910²¹

Этими 17-ю примерами практически исчерпывается экспозиция темы в жанре. На 3 тысячи текстов — 17–18 упоминаний о старости и долголетию, частотность не выше 0,6%. Удивительно? Скорее, да. Попробуем объяснить.

Эпитафия, как известно, это надпись на надгробии: эпи — над; тафос — гроб. Отсюда — первоначальное старорусское название жанра — надгробная. Эпитафия — вся надпись, включающая еще, условно говоря, „паспортную часть”: полное имя, даты жизни, иногда — род занятий — и — не так часто — встречающуюся на кладбищах лирическую, еще реже — лиро-эпическую стихотворную или прозаическую афористическую надпись. Она может помещаться и на боковой, и на задней грани памятника. Таким образом, знания о продолжительности жизни уже получены читающим из „паспортной части” и акцентировать их в стихах нет нужды. Это первая причина.

Вторая и главная: на протяжении трех веков не считалось важным отмечать долголительство, важно, что сделал человек за свою жизнь; итог жизни. Об этом говорят, помимо вербальных, скульптурные и графические изображения на памятниках, символические, эмблематические, а ныне и просто пиктографические, связанные с основным делом прошедшей жизни:

якоря, трезубцы — у моряков,
автомобили — у водителей, особенно погибших в авариях,
стопы книг с названиями на переплетах или перечисления заглавий основных трудов — у писателей,
математические формулы — у математиков,
ноты — у музыкантов и композиторов,
штанги, коньки — у спортсменов,
пропеллеры — у летчиков и т. д.

²¹ *Ibidem*, № 1020.

Случилось видеть на надгробии в Риге даже пахущего крестьянина с лошадкой и плугом. То есть, дело, а не возраст определяют человека в памяти потомков.

Третья причина — психологическая, уход человека позднего возраста воспринимается не как трагедия, которая должна получить эмоциональный выход, а как предопределенность, иногда ожидаемая, старость и смерть биологически обусловлены. В этой связи приведу один исторический пример. В начале XX века с 1908 года шла работа под эгидой историка, Великого князя Николая Михайловича, по созданию *Общероссийского некрополя*, для чего во все епархии страны были разосланы циркуляры, обязывающие священников к описанию кладбищенских захоронений по обозначенным рубрикам. Ныне этот огромный материал хранится в Государственном историческом архиве в Петербурге. Однако духовные лица долго не могли уяснить, кого из погребенных надо вносить в списки и какие сведения о них сообщать. Рапорты из губерний иногда подавались предельно лаконично с опорой не на сохранившиеся памятники, а на сохранившиеся церковные метрические книги. Тогда появлялись иные, не предусмотренные инструкцией рубрики, создающие порой курьезный контекст. Так, в списке, присланном из Вятской губернии, в привнесенной церковниками графе *от чего умер* наряду с болезнями — *от чахотки, от водянки* и др. — против всех лиц, умерших старше 60 лет, неизменно значится *натурально*; а если уже старше 80 — запись сопровождается пометой: *от старости*.

Отношение к смерти *от старости* спокойнее, по пословице, приводимой Владимиром Далем в его знаменитом словаре: „От старости могила лечит”²². Иное дело — неожиданная смерть человека юного или младенца. Эпитафий, обращенных к детям, множество, в них — слезы отчаяния, надрыв, вопль вопрошения к Богу — за что? Это самые пронзительные эпитафии русского некрополя. Как давно было замечено, в большинстве своем родители гораздо чаще возводят памятники умершим детям и прилежнее посещают могилы, чем делают то же дети по отношению к родителям. Причиной тому — рациональное понимание естественности ухода старших.

В современной культурологии насчитывается более 600 определений понятия *культура*. Приведем одно из недавних: „Культура — это совокупность концептов и отношений между ними...”. Определение это принадлежит известному лингвисту и культурологу Юрию Степанову, разработавшему и обосновавшему современные значения терминов *концепт* и *константа*.

Концепт — явление того же порядка, что и понятие [...] Это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир чело-

²² В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. IV, Санкт-Петербург-Москва 1882, изд. 2-е, с. 316 („гнездо стары”).

века. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не „творец культурных ценностей” — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее²³.

Одним из определяющих для анализируемого жанра является содержательный концепт *смерть*. Как событие смерть каузальна, побудительна к созданию эпитафии.

Понятие *старость*, почти не упоминаемое в эпитафиях, оставляет это художественное пространство таким концептам как: *жизнь, память, долг, любовь, небо, земля* и, безусловно, в согласии с христианской традицией: *Бог (Свет), Христос, Вера (Воскрешение), Душа*.

Завершив статью самым оптимистическим выводом: понятие *старость* отнюдь не является концептом эсхатологического жанра — эпитафии, об ушедших вспоминается и рассказывается иное. Такова этика жанра.

Библиография

- Cmentarz Powązkowski w Warszawie: materiały inwentaryzacyjne*, т. 1, ред. А. и В. Biernatowie, Warszawa 1980.
- Kolbuszewski J., *Najpiękniejsze epitafia polskie*, Warszawa 1989.
- Pilch A., *Nekropolia radzieckie w Polsce południowej: na terenie województwa krakowskiego w granicach sprzed 1 czerwca 1975 r.*, Kraków 1976.
- Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. IV, Санкт-Петербург-Москва 1882, изд. 2-е.
- Николаев С.И., Царькова Т.С., *Русская стихотворная эпитафия*, Санкт-Петербург 1998.
- Русский провинциальный некрополь*, Санкт-Петербург 1914.
- Степанов Ю.С., *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва 1997.
- Царькова Т.С., *Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика*, Санкт-Петербург 1999.

Old age — a concept of Russian epitaph?

Summary

The author of the article *Old age — a concept of Russian epitaph?* — Tatiana S. Tsarkova is the editor (together with Sergey I. Nikolaev) of the first Russian anthology of the epitaph genre and author of the monographic study *Russian Verse Epitaph. Sources. Evolution. Poetics* (Petersburg, 1999). In the monograph she, among other things, explores such concepts as ‘life’, ‘death’, ‘memory’, ‘monument’. It might seem that such a relevant cultural notion as ‘old age’, causally in most cases associated with the concept ‘death’, would appear in epitaphs with evident frequency and acquire the significance of a genre concept. However, as quite an extensive material demonstrates, nothing of the kind happens, out of 3000 epitaphic texts only 3 times the word ‘old age’ is mentio-

²³ Ю.С. Степанов, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва 1997, с. 40.

ned, and no more than 15 its derivatives or paraphrases like 'years', 'grey hair', 'of many years'. The author offers explanation to this unpredictable phenomenon.

Keywords: Epitaph, old age, necropolis, concept, epigram, culture

Czy starość jest konceptem rosyjskiego epitafium wierszowanego?

Streszczenie

Autorka artykułu *Czy starość jest konceptem rosyjskiego epitafium wierszowanego?* jest twórcą (wspólnie z S.I. Nikołajewem) pierwszej rosyjskiej antologii epitafiów literackich oraz monografii *Rosyjskie epitafium literackie. Źródła. Ewolucja. Poetyka* (Sankt Petersburg, 1999). W monografii zbadano takie koncepty, jak życie, śmierć, pamięć czy pomnik. Wydawałoby się, że starość, jako pojęcie silnie związane z konceptem śmierci, powinna wyjątkowo często pojawiać się w epitafiach. Jednak — jak wskazują badania przeprowadzone na bardzo obszernym materiale — jest zupełnie inaczej. W trzech tysiącach epitafiów stwierdzić można zaledwie trzykrotne użycie słowa „starość” i nie więcej niż piętnastokrotne użycie słów pochodnych i blisko związanych ze słowem „starość”, takich jak np. „lata” czy „siwe włosy”. Autorka artykułu wyjaśnia ten fenomen.

Słowa kluczowe: epitafium, starość, nekropolia, koncept, epigram, kultura